

4 1975

В О П Р О С Ы Л И Т Е Р А Т У Р Ы

Основан в 1957 году

Ежемесячный журнал

Орган Союза писателей СССР и Института мировой литературы
имени А. М. Горького Академии наук СССР

С О Д Е Р Ж А Н И Е

К 70-летию Михаила Шолохова

Великий художник современности

- 3 **Ж. АМАДУ.** Рядом с толстовской эпопеей;
М. ВИКРАМАСИНГХЕ. Величие гуманизма;
Г. КАРАСЛАВОВ. Любимый писатель; **Э. КОЛДУЭЛЛ.** С чувством величайшего уважения; **М. ЛАРНИ.** Рукопожатие с холодного Севера к берегам тихого Дона; **Ж. ЛАФФИТ.** С праздником, товарищ! **В. ЛИННА.** Зрение и слух революции; **Э. НОЙЧ.** Утверждая социалистическую действительность; **Т. ПАВЛОВ.** Урок Шолохова; **Е. ПУТРАМЕНТ.** Книги Шолохова и судьба моего поколения; **М. СЕЛИМОВИЧ.** Большая школа творчества; **ТО ХОАИ.** Всегда с нами; **ТХЕ ЛЫ.** Его книги были с нами в боях; **Д. УОТЕН** Ясность, освещающая мир
- 32 **В. БАРАНОВ.** От истоков «Тихого Дона»
- 64 **В. ГУРА.** Мир Шолохова и современный мир
- 93 **М. КУРГИНЯН.** Концепция человека в творчестве Шолохова

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Обсуждаем книгу Б. Бурсова «Личность Достоевского»

- 124 **Ю. СЕЛЕЗНЕВ.** Роман без любви
- 153 **И. ВОЛГИН.** Незавершенный диалог

СЛОВО — ЗАРУБЕЖНЫМ ДРУЗЬЯМ

- К 30-летию освобождения Венгрии
- 179 **И. ДОБОЗИ.** Единственная возможность

АПРЕЛЬ

ИЗВЕСТИЯ

МОСКВА

принадлежит перу историка философии и в известной мере опирается на его собственный плодотворный опыт создания исторического образа таких мыслителей, как Гердер и Гегель, хотя, разумеется, она отнюдь не представляет собой просто «обмен опытом». Это

удачное начало серьезного разговора о роли эстетических принципов и категорий в историческом исследовании и о значении исторического сознания для художника.

Л. СТОЛОВИЧ

г. Тарту

ПОВЕСТИ БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС*

Книга Ф. Кануновой представляет собою монографическое исследование повестей Бестужева-Марлинского, которые соотносятся с русской прозой 30-х годов и с западноевропейской литературой.

Считая проблему характера центральной при изучении художественного метода Бестужева, Ф. Канунова верно полагает, что личность главного героя сообщает его повестям жанроопределяющие признаки. Преимущество Бестужева-романтика перед его предшественниками-сентименталистами, и прежде всего Карамзиным, автор усматривает в стремлении воспроизводить конкретно-чувственную действительность, ее местный колорит, национальные обычаи. Именно в Ливонских повестях, обращенных к истории средневековой

Прибалтики, Бестужев руководствуется принципом исторической достоверности.

Ф. Канунова обоснованно polemизирует с теми, кто игнорирует те достижения Бестужева в изображении героев исторических повестей, которые связаны с историко-национальной окраской романтизма, с проблемой нации и народа. Эти достижения сказались в том, что герои Бестужева, в отличие от героев сентиментальных повестей Карамзина, вышли за пределы узколичных переживаний, расширили связи с объективным миром, обратились к решению насущных задач времени. Сама интимная сфера жизни наполнилась общественно значимым содержанием благодаря активной жизнедеятельности героев. Однако, отмечая сильные стороны бестужевского творчества, Ф. Канунова не преувеличивает возможностей романтизма в решении проблем

* Ф. З. Канунова, Эстетика русской романтической повести. Изд. Томского университета, 1973, 307 стр.

национального характера и народности, учитывает, что просветительский взгляд на историю эстетически выражается в рационалистической заданности персонажей, в резком делении их на злодеев и добродетельных.

Интересуясь проблемой характера, Ф. Канунова, естественно, обращается к формам психологизма Бестужева, выделяет центральный для него метод «генерализации чувств», изображение острых столкновений страстей, наивысших точек их эмоциональных проявлений. «Бестужева не занимают, подобно Карамзину, «подробности чувств» героев, их эволюция,— пишет автор.— Он выделяет лишь некоторые крупные и яркие черты характера, которые, как правило, даются без развития. Психологический рисунок у Бестужева четче и определеннее, чем у Карамзина. Здесь проявилась... открытая тенденциозность его идеализирующего стиля» (стр. 71). Нам представляется, что характеристика психологического искусства даже раннего Бестужева требует большей детализации и выявления тех средств, с помощью которых реализуется в Ливонских повестях кратко обозначенный метод изображения внутреннего мира персонажей.

Всегда считаясь с достижениями предшественников, опираясь на эти достижения,

Ф. Канунова вместе с тем избегает ненужного повторения и если обращается к изученному материалу, то непременно предлагая новую трактовку. В противовес ученым, не заметившим резких и глубоких сдвигов в мировоззрении Бестужева в последекабристский период, она раскрывает эволюцию мировоззрения писателя и его художественного творчества, доказательно отвергает распространенное мнение о том, что сосланный Бестужев остался во всем верен традициям декабризма.

В монографии творчество Бестужева органически включается в историко-литературный процесс, в эволюцию русского романтизма 10—30-х годов.

На широком художественном и философском материале ставится и решается проблема исторической причинности и свободы действия отдельного индивида, которая занимала людей 30-х годов, когда дворянская революционность доказала свою несостоятельность, а новая, демократическая находилась в зачаточном состоянии. Экскурс в историю философии помогает понять позицию Бестужева в этом важнейшем вопросе, которая во многом определяет характер его художественных исканий, его концепцию человеческой личности. Ф. Канунова правильно полагает, что «учение Канта, Фихте, Шеллинга о высшей духовной

деятельности человека как основе проявления его **свободной воли** в условиях политического террора и подавляющего личностно нравственного гнета превращалось в активное средство освободительной борьбы» (стр. 123). Мысль о свободной духовной деятельности человека-гражданина, противостоящего антагонистическому обществу, роднит Бестужева с теми представителями немецкой идеалистической философии, которые с диалектических позиций выступали противниками созерцательного, во многом механистического материализма XVIII века, абсолютизовавшего детерминизм личности и снимавшего ее внутреннюю активность, свободную жизнедеятельность.

Выяснив философские истоки решения проблемы свободы и необходимости, Ф. Канунова подчеркивает, что философские размышления людей 30-х годов имели конкретно-исторический смысл, они были связаны с проблемой поведения русской дворянской интеллигенции в последекабристский период. Прославление деятельного, героического, волевого начала в человеке является типологической чертой романтизма 30-х годов. Кавказские повести Бестужева-Марлинского и привлекали в свое время читателей идеализацией сильной, героической личности, вступающей в конфликт с обществом.)

И все же вопрос о соотносении свободы и необходимости в мировоззрении и творчестве Бестужева, как и других писателей-романтиков тех лет, требует еще размышлений и дополнительных разъяснений. Дело в том, что сама эта соотносительность по-разному понималась тогдашними писателями, объединенными, казалось бы, общей оппозиционной настроенностью.

Заостряя сильную сторону бестужевского творчества, Ф. Канунова подчеркивает, что Бестужев, как Пушкин и Лермонтов, осуждал индивидуалистическое своеволие и тем самым шел к признанию исторической необходимости, стоял перед проблемой детерминации характера, пытался в повестях 30-х годов понять обусловленность человека историей, своеобразием национальной культуры. При всей нескрываемой любви к писателю автор приходит к верному заключению о том, что его попытки детерминированного объяснения человека не были особенно плодотворными в силу именно романтико-идеалистического решения проблем исторического процесса. Бестужев связывает жизнедеятельность своих героев с высшей духовной сущностью человека, поэтому романтический герой, соотносительный с целым миром, остается не обусловленным конкретной социально-исторической сре-

дой. Автор старательно разъясняет, что Бестужев не выходит за пределы романтического мышления, хотя и ощущает уже неудовлетворенность абстрактно-идеалистическими интерпретациями человеческой личности.

Проследивая эволюцию романтизма Бестужева и его современников, Ф. Канунова доказывает, что Бестужев в последекабристский период преодолевает рационалистическую «чувствительность» Карамзина и приходит к пониманию развития как борьбы противоположностей и, следовательно, к «диалектике чувств»: «не рационалистически ясным, как это было в большинстве повестей 20-х годов, а клубком неразрешимых противоречий представляется Бестужеву сознание человека» (стр. 103). Этот вывод о противоречивой сложности человеческой личности в монографии подтверждается анализом, например, повести «Фрегат «Надежда». Идеальный и отважный Правин, с беззаветной верой в добро, в определенной ситуации становится крайним индивидуалистом.

Думается, что в монографии Ф. Кануновой верно намечена общая характеристика психологизма Бестужева 30-х годов и найдены истинные пути анализа. Однако в решение этой проблемы, на наш взгляд, следует внести следующие кор-

рективы. Бестужев лишь подошел к пониманию сложной диалектики добра и зла в переживаниях и поведении человека, но в своих художественных произведениях был далек от ее воплощения. Во-вторых, заслуга Лермонтова по сравнению с Бестужевым не только в силе одаренности и глубине изображения «души», но и в качественно новом подходе к проблеме психологизма. Лермонтов обратился к воспроизведению переходов, переливов разнокачественных чувств, став в этом предшественником Толстого и его метода «диалектики души». Многомерность образа человека — вот что отличает Лермонтова от Бестужева, хотя, разумеется, они столкнулись, как верно утверждает автор, на общей дороге художественного развития, обратившись к одним и тем же целям.

Строго ведя учет достижений предшественников и опираясь на эти достижения, Ф. Канунова использует новый фактический материал и создает оригинальную концепцию творчества писателя. Она справедливо полагает, что изучение собственно кавказской темы и темы русско-кавказских отношений не исчерпывает смысла повестей Бестужева о Кавказе.

Проблема национального характера, которая волновала писателя еще в 20-е годы, становится, по мысли автора, одной из центральных проблем и в

кавказских повестях. Бытовой, национально-этнографический, фольклорный материал не только создает фон повествования, но и является психологическим фактором. Очень важно также стремление писателя-декабриста исторически подойти к кавказским народностям с точки зрения их места в общей истории развития человечества.

Автор прослеживает эволюцию писателя в использовании этнографического материала: в ранних повестях этот материал играет декоративную роль, в кавказских повестях он служит другим целям — стремлению показать, как формируется характер человека в связи с историей и особенностями национальной культуры.

Кавказские повести Бестужева Ф. Канунова соотносит с романтическими поэмами Пушкина и Лермонтова. Она указывает на сходство и различие авторской позиции Бестужева, Пушкина и Лермонтова. Романтические повести 30-х годов сравниваются с повестями Н. Полевого и В. Одоевского, отмечаются типологические особенности русского романтизма этих лет. Не забывает автор и предшественников Бестужева — прежде всего Карамзина: насыщая свои повести острой общественной проблематикой, писатель-декабрист делает шаг вперед по сравнению с родоначальником русского сентиментализма, хотя остается равно-

душным к его завоеваниям в области психологического анализа, к искусству воспроизведения «подробностей чувства».

Сочетание историко-литературного анализа с теоретическим — одно из главных достоинств рецензируемой книги. Автор использует исторические документы эпохи, эстетические литературные памятники, вовлекает в научный оборот новые архивные материалы (архив братьев Бестужевых, В. Ф. Одоевского и др.), анализирует черновые редакции повестей Бестужева, например черновые рукописи «Аммалат-бека», черновой автограф «Следствия вечера на Кавказских водах» и др.

Ф. Канунова показывает, что проза Бестужева 30-х годов — интересное явление в истории русской повести вообще, а не только шаг вперед в художественном развитии писателя; при этом она ссылается на Белинского, назвавшего Бестужева еще в 1835 году «первым нашим повествователем... творцом, или, лучше сказать, зачинщиком русской повести»¹. В 40-е годы Белинский, подвергая критике Марлинского, одновременно подчеркивал историко-литературное значение его повестей, которые доставили много пользы русской литературе, были для нее большим шагом

---

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М. 1953, стр. 272.

вперед. Таким образом, Ф. Канунова выявляет те сильные стороны бестужевского творчества, которые были подмечены еще Белинским, противником «риторического направления».

Но автор отмечает также и слабые стороны творческой деятельности Бестужева, которые обуславливались ограниченностью романтического метода. Однако эти проявления «риторического направления» в работах некоторых предшественников Ф. Кануновой непо-

мерно разрослись и заслонили собой то идейно-художественное значение, которое придавал Белинский повестям писателя.

Книга Ф. Кануновой впервые в нашем литературоведении раскрывает русскую романтическую повесть как жанр, сыгравший свою особую историко-литературную роль; в ней устанавливается, какое значение имел романтизм для дальнейшего развития русской реалистической прозы.

Г. КУРЛЯНДСКАЯ

г. Орел

СОВРЕМЕННЫЙ ОБЛИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ЛИТЕРАТУР*

Эта книга — шире своего заглавия. В ней идет речь не только о героине литератур социалистических стран Европы — то есть о проблеме личности, структуре характера, — но, по сути дела, и о художественной прозе этих стран в целом. Авторы отбирают характерные произведения польских, венгерских, югославских, немецких (ГДР), чешских, словацких, болгарских писателей, рассматривают эти произведения прежде всего в свете их социально-психологической, нравственной проблематики, что позволяет дать, хотя бы в основных контурах, синтетичную картину

литератур европейских стран социализма.

Перед нами серия литературно-критических этюдов, связанных общностью изучаемых вопросов и дополняющих друг друга.

Каждый из авторов, как правило, говорит о «своей», хорошо ему знакомой литературе, но привлекает и инациональный материал: возникают любопытные и подчас неожиданные сопоставления, выявляются главные линии международного социалистического литературного процесса. Критики часто соотносят книги зарубежных социалистических писателей с советской литературой, отмечают черты сходст-

* «Герой художественной прозы. Социалистические страны Европы», «Наука», М. 1973, 398 стр.